

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Б. Н. Ковалев

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ПРЕССЫ (1942–1944 гг.)¹

В период нацистской оккупации части Ленинградской области (1941–1944 гг.) на ее территории распространялись газеты и листовки как отпечатанные в Германии (особенно в 1941 году, до развёртывания нацистами полиграфической базы) и Прибалтике (Рига, Ревель), так и на местах – во Пскове, Луге, Дно и др.²

Материалы, связанные с Великим Новгородом, публиковались на страницах коллаборационистской прессы достаточно часто. По содержанию эти статьи можно разделить на несколько групп. Во-первых, это традиционные «разоблачения большевиков»: их преступления по отношению к городу и горожанам до и во время начавшейся войны, во-вторых – позитивное описание повседневной жизни после прихода немцев. Однако была и своя специфика, отличавшая Великий Новгород от других городов, – это значительное количество статей, посвященных многовековой истории, попытка представить его как центр с истинно европейской культурой, особыми отношениями с Германией.

В городах, кроме расклейки на стендах, газеты распространяли через специальные ящики, где её мог взять каждый желающий. Редакция на страницах газеты объявляла, в какие дни недели можно получить свежий номер. С 1942 года получение газет стало платным (хотя они по-прежнему регулярно вывешивались на стендах). Представители оккупационной администрации требовали, чтобы все русские служащие как аппарата управления, так и врачи, учителя, агрономы в обязательном порядке оформили подписку хотя бы на одно издание.

Редакции региональных газет формировались за счёт немецких сотрудников министерства пропаганды и незначительного количества

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-53003).

² В самом Новгороде, поскольку он находился непосредственно на линии фронта, печатные коллаборационистские издания не выходили.

русских послереволюционных эмигрантов, имевших довоенный стаж сотрудничества с нацистами. Однако все они достаточно плохо представляли предвоенные советские реалии. Привлекая к сотрудничеству представителей местного населения, оккупационная администрация решала эту проблему. К работе в средствах массовой информации и пропаганды привлекались добровольцы из числа антисоветски настроенной интеллигенции.

Но ставка все же делалась на бывших сотрудников советских газет, изъявивших желание сотрудничать с оккупантами, т. е. на людей, которые были профессионалами, на практике знали все советские реалии и могли их успешно критиковать.

При этом особым доверием оккупантов пользовались те люди, которые могли доказать, что у них есть повод ненавидеть советскую власть. Именно они в первую очередь привлекались к пропагандистской работе. Очень часто эти авторы публиковали на страницах газет свои воспоминания о сталинских лагерях, ужасах коллективизации и прочие «разоблачительные материалы».

Как уже отмечалось, многие журналисты данных газет имели опыт или навыки работы в советской периодической печати, и это наложило определённый отпечаток на манеру подачи материалов в них: они во многом напоминали предвоенные, только с противоположным знаком³.

На Северо-Западе России выходили следующие периодические печатные издания: во Пскове – «Псковские известия», «Псковский вестник», «За Родину» и «Доброволец» (с 1943 года), в Дно – «За Родину», в Луге – «Лужский вестник», в Острове – «Островской вестник», «Труд и отдых» в Гатчине, «Порховский вестник» в Порхове и др. Периодичность изданий была от одного до пяти номеров в неделю, тираж – от нескольких сот до нескольких десятков тысяч экземпляров⁴.

До 1942 года большинство газет распространялось бесплатно. В конце августа 1941 года вышло распоряжение германского командования, согласно которому все находящиеся на оккупированной территории письменности должны были приступить к исполнению своих обязанностей. В тех деревнях, где их не было, эти функции перекладывались на старост. В обязанности почтальонов входило получение в комендатурах или управах свежих номеров газет или листовок и расклейка их на специальных стендах, установленных в каждой деревне. Кроме пропагандистского материала – газет, листовок, плакатов – там вывешивались распоряжения и приказы оккупационных властей⁵.

В Новгороде и районах вокруг него широко распространялись коллаборационистские газеты на русском языке, издававшиеся в Дно, Пскове и Риге: «Правда», «Северное слово», «За Родину», «Доброво-

---

³ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее – АУФСБНО). Д. 1/7098. Л. 132.

⁴ *Иванов И. А., Юденков А. Ф.* Оружием контрпропаганды. М., 1988. С. 266–276.

⁵ Там же. Д. 1/7236. Л. 14.

лец», «Новый путь», «Воин и пахарь» и целый ряд журналов⁶. Кроме газет, распространялись книги и брошюры об особых отношениях средневекового Новгорода как члена Ганзейского союза и Германии. В этой печатной продукции проводилась мысль о том, что новгородцы были по-настоящему счастливы и богаты лишь тогда, когда тесно сотрудничали с представителями германских городов, о благотворном влиянии германской культуры «на самый процветающий русский средневековый город»⁷.

Целую серию художественных статей, рассказывающих о Новгороде и новгородской истории, написал заместитель главного редактора газеты «За Родину» (Рига) Б. А. Филистинский. Он родился 6 августа 1905 года в Ставрополе Кавказском. После окончания средней школы продолжил свое обучение в Ленинграде. В 1924–1928 году учился в Ленинградском институте восточных языков (по специальности «Монгольская филология»), а в 1936 г. закончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства Главстройпрома, где учился 8 лет – с 1928 г.

Во время учебы проявлял большой интерес к философии. В 1927 г. ему было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционных студенческих кружках. Он содержался под стражей в течение 3-х недель и был освобожден без привлечения к ответственности. В 1929 г. арестовывается по той же причине, что и в первый раз, на 40 дней. К ответственности также не привлекался. В 1936 году за участие в кружке В. Р. Вульфа он был осужден по статье 58/10, ч. 1 УК РСФСР на 5 лет с последующим поражением в правах на 3 года.

По окончании срока в 1941 г. Филистинский был освобожден и поселился в Новгороде, так как в Ленинграде ему находиться, как бывшему заключенному, было запрещено. Сразу же после того, как вермахт занял Новгород, он отправился в немецкую комендатуру и предложил оккупантам свои услуги по налаживанию «нового порядка»⁸. Это предложение было нацистами благосклонно принято. В апреле 1943 года он, по предложению немцев, вместе с матерью и теткой перебрался из Новгорода во Псков, а потом в Ригу. Проживая в них, работал в отделе пропаганды, занимал пост заместителя редактора газеты «За Родину». Как литературный сотрудник он написал и опубликовал в этой газете, а также других изданиях, несколько десятков статей, таких как: «О Родине и большевизме», «Борьба молодежи с марксизмом», «Поэты – жертвы большевизма»⁹. Были у него статьи и про Новгород. 29 декабря 1943

⁶ См.: АУФСБНО. Д. 1 А/14519. Л. 110.

⁷ См.: *Филистинский Б.* Новгородский вечевой колокол. Исторический очерк // За Родину (Рига). 1944. 17 января; *Филистинский Б.* Легенда о старом монастыре // За Родину (Рига). 1944. 16 февраля; *Пономарев В.* Немецкая помощь древнему Новгороду // За Родину (Псков). 1943. 28 января; *Пономарев В.* Немецкая Ганза и Новгород // За Родину (Псков). 1943. 10 марта.

⁸ См.: АУФСБНО. Д. 43689. Л. 12.

⁹ См.: Служба архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – СРАФ УФСБ СПбЛО). Обзорная справка по архивному делу

года он публикует материал «Христос и игумен. Новгородская легенда – фреска в стихах и прозе». Хотя она и заканчивалась его религиозными стихами, начиналась весьма традиционно для коллаборационистских газет, с обвинения в адрес Советской власти: «Недалеко от дотла разрушенного большевиками Новгорода, за рекой Волховцем, на пути в Москву, среди пустыни, большой и выгоревшей, находятся развалины двух древних церквей. Это – остатки славных монастырей Господина Великого Новгорода – Успенского (в сельце Болотове) и Спаса на Ковалева. Оба храма имели изумительную стенную роспись XIV века... Оба существовали еще летом. 1941 года...»¹⁰.

Текст Филистинского включает в себя элементы легенд, антисоветские пассажи и определенную историческую информацию: «Сельцо Волотово, окруженное рощицами и хлебными полями, покосами и пустырьками, было живописно раскинуто на древнем, сказочном, былинном Волотове поле, овеянном множеством легенд и исторических воспоминаний.

Здесь, по преданиям, стояло языческое капище богу солнца Болоту, или Волосу; отсюда и название поля и сельца. Здесь же погребались богатыри и витязи новгородские. Здесь же находится и знаменитый Гостомыслов курган – могила легендарного старейшины Новгородского Гостомысла, по совету которого были призваны на Русь варяги с внуком Гостомысла – Рюриком во главе. В Гостомысловом кургане большевики устроили... силосную яму! ...

На Волотове поле находили много остатков стоянки первобытного человека: каменных топоров, наконечников стрел и прочих предметов доисторической эпохи.

В деревне стояла оставшаяся от монастыря древняя Успенская церковь 1362 года с замечательной по сохранности и искусству фресковой росписью. Есть предположение, что фрески эти принадлежат гениальному художнику того времени Феофану Греку»¹¹. Бросается в глаза, что автор постоянно употребляет прошедшее время. Он даже не предполагает, что эти храмы, оказавшиеся на линии фронта, люди когда-нибудь смогут возродить.

Другой очерк Б. Филистинского – «Легенда о старом монастыре»¹², достаточно длинный и стилизованный под древнерусскую речь, заканчивался стихами автора. Здесь также давалась отсылка к реалиям идущей войны: «Михалицкого монастыря давно уже не существует. Но и сейчас стоят (только сгорели в войну 1941–1943 гг.) две его церкви – Рождества Пресвятой Богородицы 1199 г. (перестроена в 1379 г.) и собора Пресвятой Богородицы (трапезная) 1557 года. У входа в первую –

№ 41-485 на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220.

¹⁰ За Родину (Псков). 1943. 29 декабря.

¹¹ Там же.

¹² За Родину (Псков). 1944. 2 февраля.

чудной красоты Лик улыбающегося Спасителя на вкладном в стену резном каменном кресте»¹³.

В отличие от сосланного Филистинского, Василий Пономарев являлся новгородцем. В 1933 году он был осужден на пять лет каторжных работ по делу организации «Российское студенческое христианское движение»¹⁴. После отбытия наказания вернулся в Новгород, подрабатывал в музее. С начала нацистской оккупации города стал его первым бургомистром. Однако эту должность занимал лишь до октября 1941 года. Можно предположить, что в условиях стабилизации линии фронта оккупанты решили с большей пользой для себя использовать его знания – профессионального историка и музейного работника. Его перу принадлежит более 10 различных публикаций на новгородскую тематику в коллаборационистских газетах и журналах. Логически они взаимосвязаны друг и другом. По своей сути – это различные доказательства особой позитивной роли цивилизованной Европы для жизни России.

В статье «Немецкая помощь древнему Новгороду»¹⁵ описывалось многовековое, исключительно на благо русских людей (со слов автора – *Б. К.*), сотрудничество средневекового города с немецкими купцами. Для большинства читателей того времени Новгород XIII века, благодаря выдающемуся фильму Сергея Эйзенштейна, был связан, в первую очередь, с именем Александра Невского. А последний воспринимался ими как герой войны с немецкими псами-рыцарями. Но Василий Пономарев доказывал, что отношения с западными соседями не были такими плохими, как их представлял советский кинематограф. Более того, согласно его материалу, именно немцы в 1230 году спасли новгородцев от страшного мора и голода: «Великий Новгород, многолюдный, богатый торговый город, был беден хлебом. Малохлебородные новгородские поля не производили его в количестве, достаточном для прокормления многочисленного населения, тесно скученного в городе и его окрестностях»¹⁶.

У читателя этого материала должны были возникать своего рода ассоциации между прошлым и настоящим, хотя нацистский пропагандистский лозунг «Гитлер – освободитель» автор не употребляет: «Узнав о бедственном положении Новгорода, немецкие купцы, весной, с открытием навигации, поспешили на помощь к новгородцам и тем спасли население города.

Дополняя воображением лаконический, но проникнутый неподдельным чувством рассказ летописца, можно представить, с какой радостью спешили новгородцы к берегу – навстречу прибывшим ладьям,

---

¹³ За Родину (Псков). 1944. 2 февраля.

¹⁴ 24 апреля 1989 г. по этому делу В. С. Пономарев был реабилитирован согласно ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов».

¹⁵ За Родину (Псков). 1943. 28 января.

¹⁶ Там же.

из которых на пристань выгружали мешки, полные мукой. Как, покупая муку, давно ставшую для многих невиданной роскошью, благодарили они заморских благодетелей, призывая на них Божье благословение за помощь, поданную в трудную годину. Не раз немецкие купцы помогали Новгороду и в дальнейшем, привозя хлеб в неурожайные годы»¹⁷.

В похожем духе Пономаревым была написана статья «Немецкая Ганза и Новгород (Славное прошлое старинного торгового центра)»¹⁸. Автор выступает здесь как некий академический ученый, утверждающий безусловную истину: «Вместе с Ганзейскими товарами, по тем же путям, через широкое окно Новгорода в Русь проникал свет западноевропейской культуры. Но в конце XV века, с падением новгородской независимости (в 1478 году), московские ставни закрыли это окно, оставив только маленькую псковскую форточку»¹⁹.

По мнению Пономарева, любой конфликт с цивилизованной Европой всегда был крайне вреден и невыгоден для новгородцев: «Не-нужные войны Новгорода и Пскова со Швецией и Ливонским орденом немецких рыцарей только препятствовали торговле. Новгород вел почти всю торговлю древней Руси с Западной Европой и был посредником в товарообороте между Западной Европой и Востоком – вплоть до Средней Азии и Индии»²⁰.

Вывод из всего этого материала делался следующий: «Начавшийся с середины XV века постепенный упадок Немецкой Ганзы, вызванный сложившимися историческими причинами, способствовал падению Новгорода. Только взаимное торговое сотрудничество обеспечивало общее процветание и богатство обеих сторон»²¹.

Для Василия Пономарева характерно написание некоторых статей стилизованным под старинные былины языком. Именно так он представляет «Новгородские легенды о грозном царе»²². В качестве своего рода эпиграфа в них он использует слова немецкого историка XIX века Леопольда фон Ранке: «Самый вымысел имеет свою истину, поскольку он представляет древнюю традицию, и есть периоды, в которых традиция и история неразрывно соединяются друг с другом»²³.

В этой художественной статье автор не просто описывает злодеяния Ивана Грозного и москвичей-опричников, он смакует их: «Вышел царь в вечер гулять над рекой над Волховом вдоль по берегу. Глядь, идет за водой с коромыслом девица-красавица. Кликнул царь своих кромешников опричников. Повелел им схватить красавцу, сарафан и исподницу сорвав, пред ним нагу поставити. Стоит бедная, вся дрожмя

---

¹⁷ За Родину (Псков). 1943. 28 января.

¹⁸ За Родину (Псков). 1943. 10 марта.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² За Родину (Псков). 1943. 23 июня.

²³ Там же.

дрожит и огнем горит, своей косынькой распущенно стыд девичий прикрываючи.

Повелел ту грозный царь положить девицу под пят стены в погреб каменный и закласть камнями. Лежит девица, слезы льет, слезы горькие, по своему по родным батюшке, по своей по родной матушке и по милому дружку Ванюшке. И от тех слез побежал ручеек из-под тех стен к реке Волхову. По сей день бежит солоня струя светлая. Не вода-то бежит – слезы девичьи»²⁴.

Некоторые материалы Василия Пономарева не содержали никаких антисоветских или пронацистских пассажей. Они были выдержаны в духе русской исторической научно-популярной прозы начала XX века. Это такие статьи, как «Крещение Новгорода»²⁵, «Вечевые города Новгород и Псков»²⁶, «Новгородский вечевой колокол»²⁷. Весьма любопытны его зарисовки из жизни новгородских музеев в период, когда он там работал в предвоенные годы. Хотя здесь, кроме критики советских порядков, содержались и обвинения в адрес советского командования, о том, что оно специально в ходе этой войны уничтожает древний русский город.

Так, статья «Огонь по золотому куполу», в которой рассказывалось, как в начале 30-х годов инспектор Ленинградского антирелигиозного музея предложил установить в куполе Софийского собора маятник Фуко (правда, безрезультатно, благодаря хитрости новгородских музейщиков), заканчивалась следующим абзацем: «Все же до купольного образа Вседержителя добрались-таки. 5-го июня 1942 года при специальном обстреле Новгородского Софийского собора советской артиллерией («Огонь по золотому куполу!»), снаряд пробил свод купола и уничтожил древнее фресковое изображение Вседержителя, с которым связана интересная легенда о предсказании гибели Великому Новгороду»²⁸.

Четвертого октября 1943 года Пономарев публикует статью с претензией на некую программу с говорящим названием «Господин Великий Новгород»²⁹. В ней он не просто воспевает свой родной город: «Великий Новгород – колыбель русской государственности. Здесь варяги заложили ядро будущей Российской державы. Древнеславянские основы вечевого народоправства, в Киевской Руси сочетавшиеся с сильной властью храбрых князей, потомков варяжских завоевателей, в Новгороде получили дальнейшее свое развитие...

---

²⁴ За Родину (Псков). 1943. 23 июня.

²⁵ За Родину (Псков). 1943. 29 октября.

²⁶ За Родину (Псков). 1943. 30 ноября.

²⁷ За Родину (Псков). 1944. 17 января.

²⁸ За Родину (Рига). 1944. 12 мая.

²⁹ За Родину (Псков). 1943. 4 октября.

Вплоть до конца XVI века он сохранял значение важнейшего экономического и культурного центра. В последнем отношении он далеко превосходил даже Москву»³⁰.

Золотой век в истории Новгорода для него не только период Средневековья, но и начало XX века: «С конца прошлого и особенно в начале нынешнего столетия полузабытые памятники новгородской древности и искусства начинают привлекать все больше и больше внимания. Вновь открывшийся неизведанный мир художественных сокровищ новгородской фрески и иконы вызывают изумленное восхищение в России и Европе.

Производится реставрация художественных памятников (церкви Спаса Нередицы и Федора Стратилата). Появляются их описания в прекрасных изданиях, созывается археологический съезд в Новгороде в 1911 году»³¹.

Эта идиллия, по мнению Пономарева, заканчивается после прихода к власти большевиков: «Но в дальнейшем, с ликвидацией НЭПа и в период коллективизации, закрывается и Новгородский музей древнерусского искусства. Много крича о Новгороде как о городе-музее, советская власть почти ничего не делала для сохранения и изучения его древних памятников. Иначе, конечно, и быть не могло, ибо внутреннее содержание, самая сущность национальной и православной культуры Великого Новгорода и его искусства для большевизма была глубоко чужда и даже враждебна. Потому и не пощадили большевики древний русский город, мировую сокровищницу искусства, варварски уничтожив его при отступлении»³².

В это время практически в каждом из номеров русских газет, выпускавшихся гитлеровцами на оккупированной территории России, давались материалы о генерале Андрее Власове и его армии – РОА. Поэтому читателю было понятно, о каком «Национальном Возрождении» пишет автор: «Исчез Великий Новгород, сожженный по приказу Сталина. Вновь, как издревле, рассеялись новгородцы по лицу земли Русской. Но вот уже занимается над нашей несчастной, опустошенной Родиной заря Национального Возрождения и, надеемся, осветит руины Великого Новгорода, она согреет и вдохнет в них новую жизнь. Ибо в великом деле будущего национального возрождения России, ее древние исторические и культурные центры должны сыграть роль важнейших рычагов воспитания истинно русского национального самосознания»³³.

На страницах коллаборационистских газет публиковались и другие новгородцы, оставшиеся по разным причинам в оккупации. Причин этому могло быть несколько: болезнь, надежда, что, авось, ничего страшного не произойдет, вера в «европейские общечеловеческие ценности», которые несет германский солдат. Среди последних был и Сер-

---

³⁰ За Родину (Псков). 1943. 4 октября.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

гей Климушин, который быстро стал сотрудником новгородской оккупационной городской управы. После войны его искали. Данные его розыскного дела, находящегося в Новгородском Управлении ФСБ, весьма скупы: «Сергей Иванович Климушин, родился 19 сентября 1904 года. В 1941 году работал бухгалтером Колмовской психиатрической больницы.

После оккупации Новгорода работал у немцев в канцелярии. В 1942 г. выехал во Псков. Работал журналистом в газетах «За Родину» и «Северное слово». В 1944 году выехал из Пскова в Прибалтику, а затем в Германию – в Берлин. Дальнейшая судьба неизвестна»³⁴.

В декабре 1942 года в псковской коллаборационистской газете «За Родину» он напечатает статью с говорящим подзаголовком: «Как погиб Великий Новгород. (Из воспоминаний очевидца)». Понятно, что данная публикация была напечатана в соответствующем ключе и в соответствующем издании. Но некоторые ее «зарисовки» позволяют нам прочесть о событиях тех страшных дней: «В то утро, когда красные дивизии, оставив Шимск, в панике и вразброд переправились через реку Шелонь, – улицы Новгорода выглядели странно-затихшими, словно вымершими.

Город пустел уже давно. Как-то сразу, в одно время, исчезли видные евреи: член коллегии защитников Добкин, зубной врач Эфрон, психиатр Хотин с женой, тоже врачом.

Одним из первых бежал старший нарсудья Григорьев – неожиданно даже для своей жены. Потерялся в тревожной суете депутат Верховного совета доктор Шатунов. Все эти крупные крысы бежали тайком, под разными предлогами и неведомыми путями»³⁵.

Так что, с точки зрения этого коллаборациониста, эвакуация Новгорода прошла вполне успешно. По крайней мере те, кто имел возможность выехать из города – заранее сделали это.

В представлениях советских людей в предвоенное десятилетие имя маршала Климента Ворошилова являлось синонимом слова «победа». И пусть он в мае 1940 года потерял пост наркома обороны, красноармейцы по-прежнему пели о нем: «По улицам ползли танки, с открытыми люками, откуда выглядывали черные от пыли и масла головы водителей. Танки шли через мост и поворачивали почему-то на Московское шоссе. По тому же направлению отбивали шаг колонны красноармейцев; шинели на них были какие-то старые, кургузые, напоминавшие гражданскую войну и разруху.

Растянувшиеся ряды, то и дело сбиваясь с шага, нестройно тянули:

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,

И первый маршал в бой нас поведет ...

А этот первый маршал, оказывается, недавно был здесь, на этих самых улицах, – и население об этом не знало. Рассказывали, что нарочно устроили воздушную тревогу. Кто-то из-под ворот подсмотрел,

---

³⁴ АУФСБНО. Розыскное дело на Климушина Сергея Ивановича. Л. 1–2.

³⁵ За Родину (Псков). 1942. 12 декабря.

как по опустелым улицам тихо-тихо шли три машины: в средней – одиноко, в глубокой задумчивости сидел Ворошилов. Над машинами медленно кружился, охраняя, самолет.

Ворошилов пробыл в городе два дня, “накрыл” в гостинице пьяных, бежавших с фронта, политруков, всех приказал арестовать, четверых расстреляли. И сейчас эта песня о грядущих боях, когда первый маршал кого-то куда-то поведет, звучала странным анахронизмом, как странно казалось и самое движение: немцы позади, и они идут... на Москву»³⁶.

Конец июля – начало августа описываются Сергеем Климушиным весьма убедительно и точно: «До вчерашнего дня жители города все еще не думали, не знали, придется ли, и куда уходить, далеко ли немцы, и будут ли, и как защищать Новгород. Лихорадка последнего месяца, с того дня, как город стал подвергаться бомбежкам, притупилась, улеглась, – и порой казалось, что уже никогда не жили иначе, не ночевали нигде, как только в сырых сводчатых подвалах, где все углы были забиты мешками с пришитыми заплочными лямками – на всякий случай.

Горела Панковка, где был аэродром, Кречевицы, вокзал. Налеты делались все чаще и продолжительнее. На крыше Дома культуры поставили пулемет, а из древней Кукуевской башни нелепо нацелилось в небо непонятное жерло»³⁷.

На войне стреляют и убивают. Это факт. Но в условиях пропагандистского противостояния нужно доказать читателю, что один снаряд – плохой, а другой – мирный и хороший. Журналист как будто не замечает, что на мирных жителей падают немецкие бомбы. Наоборот, он пытается доказать, что во всех бедах виновата советская сторона: «Никому не приходило в голову, что сама система расположения орудий защиты обрекала на разгром и уничтожение не только знаменитые памятники старины, но и больницы, школы и инвалидные дома, где оставались больные и беспомощные люди.

В Колмовской психиатрической больнице, где было 500 душевнобольных, поставили два прожектора и зенитку. Юрьевский монастырь, отведенный в последние годы под областной инвалидный дом, объявили запретной зоной, где хозяйничал Ревтрибунал, а стариков и старух оставили там же.

Штаб корпуса разместился в самом центре города, где собиралось когда-то Новгородское Вече. Знаменитый Хутынский монастырь, сохранивший веками всю прелесть старинного зодчества XIV века, лихо-радочно превращали в крепость обороны»³⁸.

В своих послевоенных воспоминаниях некоторые испанские офицеры утверждали, что именно они прикрыли выдающийся монумент – символ 1000-летия российской государственности. Однако журналист-коллорабационист признает, что это было сделано еще до захвата го-

---

³⁶ За Родину (Псков). 1942. 12 декабря.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

рода немцами: «Наспех заколачивали досками памятник Тысячелетия России – единственный, непревзойденный образец монументального русского искусства».

О судьбе колоколов Софийского собора написано немало. Еще дальше пошел режиссер Алексей Салтыков. В своем фильме 1984 года «Господин Великий Новгород» он вложил в уста одного из героев, гитлеровского генерала, следующие слова: «Где эти реликвии древней славы Новграда? Их обязательно надо найти. Соборные колокола Новграда должны звонить в Берлине в день нашей победы. Это желание фюрера». Но Сергей Климушин конкретно указывает нахождение одного из колоколов. При этом эвакуацию предметов из новгородских музеев он называет «разграблением»: «И уже в самые последние дни, в припадке тупой ненависти и страха перед неизбежным, грядущим возмездием, сбросили в Волхов большой колокол, стоявший у звонницы собора Св. Софии – покровительницы и защитницы Великого Новгорода. Золото и ценности Софийской ризницы, так же, как и сокровищницы окрестных древних монастырей: Юрьевского, Спаса-Нередицы – все это было разграблено и увезено еще раньше»³⁹.

Почти в любом материале коллаборационистской прессы присутствовали антисемитские сюжеты. Данный автор – не исключение. Он также обвиняет евреев во всех бедах города: «С дьявольской местью за черту оседлости, за стихийные народные погромы, – разорили и обескровили святыню народной русской души, колыбель самобытного русского государства – господин Великий Новгород».

В некоторых местах Климушин откровенно врет, в частности там, где утверждает, что немецкие летчики вообще не бомбили новгородские памятники и кремль. Весьма лукаво и бесчестно утверждение, что своими страданиями новгородцы обязаны исключительно «большевистской власти»: «Уже несколько дней по ночам слышен был глухой, содрогающий землю, прерывистый гул: где-то у Шимска била тяжелая артиллерия. Гул становился все явственней и ближе.

И вчера – на Сенной площади – ударил первый снаряд. Никто сначала не понял – что это и откуда? К бомбам уж как-то привыкли, а тут, среди ясного неба, не бьют зенитки, не видно самолетов и – вдруг осколки...

Паника захватила людей в свои цепкие лапы и... понесла. Без мысли, без рассуждения, поднялись, подхватили узлы и бросились через мост, на Торговую сторону, где почему-то казалось была еще власть, которая обязана и может указать путь, куда бежать и где спастись. Это был психоз, тот массовый роковой психоз, который в переполненном здании при одном только крике: пожар! приводит к бесчисленным жертвам, давящих друг друга, безумных от страха людей. Люди бежали и падали, бросали узлы и, царапаясь в кровь, осаждали последние тесные баржи... Лезли на верную гибель, жертвами преступной тупости

---

³⁹ За Родину (Псков). 1942. 12 декабря.

большевистских властей, пустивших по реке в последний раз барки с беззащитным гражданским населением...

Немного нашлось таких, которые смогли в эти минуты нащупать единственный правильный путь: укрыться под своды церквей или под белый флаг городских больниц. Ни около церквей, ни в больницы, ни в самый Кремль германские летчики не сбросили за все время ни одной бомбы»⁴⁰.

Верить автору, когда он описывает страх людей, оказавшихся практически на линии фронта. Особенно если это больные. «Колмовская психиатрическая больница – старинное, сорокалетнее заведение, расположенное на самом берегу Волхова, в 3-х километрах от Новгорода. Высокие мрачные корпуса с двойными решетками, откуда день и ночь, не смолкая, несутся плач, крики, хохот.

Сюда, в Колмово, в громадный сводчатый подвал, прибывали весь день бежавшие из города, из Псковской и Ленинградской слободок. Располагались на полу, попеременно с психически-больными, переведенными из верхних палат, тревожно прислушиваясь к тому, что творится наверху, над толстыми сводами...

К двум часам дня город скрылся из глаз в сплошном черно-желтом дыму. Горел лесопильный завод, огненные шапки перелетали на пристань. Над Антониевским монастырем, где укрепились последние банды поджигателей, кружились бомбардировщики. Где-то размеренно и спокойно била артиллерия: выстрел – тишина и разрыв. Выстрел – тишина и разрыв.

– Господи – Господи, Господи – Господи! – шепчет кто-то в углу. Хоть бы скорей, хоть бы скорей!...»⁴¹.

Как видно, Климушин приписывает пожары в Новгороде не действиям гитлеровцев, а исключительно каким-то «бандам поджигателей», которых бомбят самолеты люфтваффе. Сам же приход немцев он описывает в почти умиротворяющих тонах: «И вот наконец... В подвале сразу стало тихо-тихо. Вся эта масса людей среди грохота бомб и снарядов, в центре огня укрывшаяся под маленьким белым флагом, – вздохнула вдруг глубоко – глубоко, как один человек, и перекрестились:

– Пришли! ...

По больничному двору медленно, с коротким штуцером, оглядывая окна, приближался первый германский солдат. Никто не ложился спать. Поздно вечером у главного корпуса группа больничных сестер окружила немецкого офицера, с любопытством смотревшего на оконные решетки, за которыми тревожно металась душевнобольные. В угловом окне кто-то из больных, усевшись на подоконник в одном белье и ухватившись рукой за железо, пел:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге матушке зимой...

---

⁴⁰ За Родину (Псков). 1942. 12 декабря.

⁴¹ Там же.

- Что это он поет? – спросил офицер.
- Это старинная русская национальная песня»⁴².

С вершины XXI века мы должны отдать должное тем людям, которые смогли возродить наш город из ничего. Мало кто верил тогда, что Новгород Великий возродится. Не верила в это Людмила Джиованни, когда рисовала красками свой знаменитый «Альбом Милы», не верил и Сергей Климушин. В тыловом Пскове он рисовал словами следующую картину гибели его «старшего брата»: «А город горел. Вся половина неба была залита сплошным пламенем. И в кровавом отблеске пожара белая фигура сумасшедшего певца, прильнувшего к решетке, казалась грозным символом погибающей навсегда большевистской России...

Великого Новгорода больше не существует. На месте исторического, дорогого каждому русскому сердцу города – груда камней и черные остовы стальных переплетов.

Среди этого мертвого кладбища невредимо стоят только старые кремлевские стены, Софийский собор и памятник Тысячелетию России»⁴³.

Еще больше года после выхода этой статьи Новгород будет оставаться под вражеской оккупацией. Еще будет поврежден обстрелами Софийский собор, а памятник Тысячелетию России разобран гитлеровцами для того, чтобы увести его в Германию.

Александр Невский – одна из немногих фигур отечественной истории, которая положительно трактовалась государством и до Октябрьской революции, и после нее. Советская пропаганда взяла его образ на вооружение. В качестве контрмеры в коллаборационистских газетах стали публиковаться такие статьи, как, например, «Об одном князе»⁴⁴. Она подписана фамилией «Михайлов». Этот автор пытался доказать, что возвращение к своим историческим корням – временная вынужденная мера со стороны советского руководства: «Конечно, после октябрьской революции этот князь не пользовался почетом у большевиков, имя его было предано забвению. Словом, сторонник купечества и угнетатель народных масс. Это все, что о нем могли сказать большевики.

Шли годы. Князь оставался князем, но большевики решили, что на князе можно подработать. Это ничего не значит, что он как бы являлся по их же рассказам «врагом народа», когда нужно подработать, то надо подработать. И начинается. О князе появляются хвалебные книги, сочиняются кинофильмы, советская власть его именем называет почетный орден.

Князь этот – Александр Невский»⁴⁵.

Но, по мнению коллаборационистского журналиста, такая политика будет крайне непродолжительной: «Около двадцати лет больше-

---

⁴² За Родину (Псков). 1942. 12 декабря.

⁴³ Там же.

⁴⁴ За Родину (Рига). 1944. 20 мая.

⁴⁵ Там же.

вики позорили имя Александра Невского, они осквернили Александроневскую Лавру в Петербурге, они выставляли на посмешище мощи Александра Невского, плевали на это имя, позорили его. А сейчас стали превозносить. Когда же им этого больше не нужно будет, они опять начнут его позорить.

От большевиков можно ждать только очередной подлости и гадости. Светлое имя Александра Невского не пострадало от всей большевицкой грязи, оно осталось таким же светлым для русского народа, каким и было всегда. Но мы обязаны до конца защищать это имя от грязной клеветы и не менее грязных, оскорбительных иудейских похвал»⁴⁶.

Деятельность сталинского руководства в 20–30-х годах XX века предоставила богатый материал для критики советских порядков. Они публиковались не только в газетах, но и журналах.

Журнал «Новый путь» выходил в Риге на русском языке на 16 страницах с 1942 по 1944 год. Он был весьма красочен и богато иллюстрирован. 1 ноября 1943 года в нем вышел рассказ-воспоминание «Отщепенец», подписанный «Вас. Клыков»⁴⁷. «Еще три-четыре года назад на улицах Новгорода можно было встретить человека, который даже внешним видом обращал на себя внимание, выделяясь из бесцветной толпы обывателей, тускловатых и телом, и душой...

Я запомнил его стоящим в очереди за керосином с поржавевшей баклагой в окоченевших руках. Был хмурый осенний день, струились потоки дождя, на который ко всему привыкшие домашние хозяйки не обращали внимания. Утомленный, продрогший, уткнувший бороденку в поднятый воротник старенького и грязного пальто, он казался особенно жалким и пришибленным...»⁴⁸.

В этом описании журналист-коллаборационист строго следует необходимым пропагандистским штампам нацистской пропаганды: «бесцветные рядовые советские граждане», «страшная нищета, в которую загнали русский народ большевики», «мученический образ истинного интеллигента».

Его жизнь и деятельность противопоставляется реалиям советской действительности. Прекрасный сад не просто его увлечение, а своего рода внутренняя эмиграция, ответ большевикам, которые губят все прекрасное: «Но этот старик, у которого и настоящее, и будущее – в прошлом, а действительность кажется обманом, созданным жизнью, как бы перерождался, когда приходил к себе. У него был свой домик на окраине города. Возле домика раскинут небольшой сад. Открывая калитку, мы видим лучи песчаных тропинок, ведущих к миниатюрному бассейну с крохотным фонтаном...

В саду много яблонь и груш, выхлеченных заботливой рукой; крупные, опаленные огнецветным румянцем плоды, как маленькие яд-

---

⁴⁶ За Родину (Рига). 1944. 20 мая.

⁴⁷ Новый путь (Рига). 1943. 1 ноября.

⁴⁸ Там же.

ра, раскачиваются на упругих ветвях, покрытых тёмно-зелёными, похожими на щиты листьями.

В былое время Новгород утопал в садах. На всю Россию славились знаменитые монастырские сады, где рос чудесный белый налив и отменные антоновские яблоки. Когда здесь стали хозяйничать большевики, разорившие монастыри, чтобы насадить “новую культуру”, сады пришли в упадок; вырубались, вымерзали, дичали. Такая же участь постигла и городские сады, переданные коммунальному отделу.

Вот почему садик жалкого старика казался мне маленьким оазисом, где оберегались от гибели и вырождения плодовые деревья. Так непривычен уход за яблонями, если повсюду привыкаешь наблюдать запустение»⁴⁹.

Нужно отметить, что описание реалий жизни предвоенного Новгорода в этом очерке дается более, чем негативно. Контраст между тем, что делает хозяин сада, и другими уголками города, более чем яркий: «Так это неожиданно на кривых улицах провинциального городка, где посреди шершавых булыжников мостовой едва пробивается скудная травка, да на загаженных всякой рухлядью дворишках пышно разрастаются мясистые веера лопухов».

«Вас. Клыков» пытается сохранить некое подобие интриги и не сразу называет имя своего героя: «Фамилия одинокого старика – Павлович». Имя это в былое время было хорошо известно читателям иллюстрированных журналов «Нива», «Солнце России» и др.

Если верить публикации в журнале «Новый путь», Анатолий Павлович оказался в городе на Волхове отнюдь не по своей воле: «Когда грянула октябрьская революция, он был “взят на прицел” агентами Чека. У фотографа отобрали часть имущества. Потом его выслали из Петербурга. Павлович выбрал местом жительства Новгород. Провинциальный губернский городок после революции сильно опустился; деятели культуры, законопаченные туда волею Чека, проклинали его, как только могли.

Павлович к их числу не принадлежал. В Новгороде он открыл уходящий в туман столетий мир древнерусского искусства и углубился в него, – и так, что забыл об очередях за хлебом с отрубями и за сахаринном, о нехватке дров и других неудобствах. В рваных ботинках, перевязанных, чтобы не расползлись, обрывком каната, Павлович бродит по окраинам Новгорода и фотографирует фрески Нередицкой церкви, храма в Ковалево, Юрьевского монастыря.

Вскоре работники местного музея оценили его неутомимую деятельность. Павлович становится штатным фотографом управления Новгородских музеев»⁵⁰. Но относительно спокойная жизнь продолжалась до начала 30-х годов.

Что можно назвать символами эпохи? Для конца 20-х гг. в нашей стране – это первая пятилетка, ударные стройки социализма, индуст-

---

⁴⁹ Новый путь (Рига). 1943. 1 ноября.

⁵⁰ Там же.

риализация и коллективизация. Попытка сохранения древних памятников могла восприниматься как стремление вернуться назад, в «проклятое царское прошлое».

В архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится дело 1933 г. в восьми томах о «Контрреволюционной организации “Российское студенческое христианское движение” – филиале белоэмигрантской организации РСХД». Том седьмой целиком посвящен Новгороду. По своей сути, это было дело Новгородского музея.

Согласно материалам этого дела, летом 1932 г. «на основе установок заграничного центра РСХД Ленинградская РСХД поставила себе задачи: расширение работы за пределы города Ленинграда. Первым пунктом организации ячейки РСХД был намечен г. Новгород, где среди научных работников Новгородских музеев была для этого питательная почва»⁵¹.

В статье из коллаборационистского журнала события изложены, конечно, другим тоном, но, по своей сути, так же: «Но деятели Чека не дремлют. Когда уполномоченный НКВД Будякин – подлец и хам, которого проклинали весь Новгород, взялся разоблачать “реакционную деятельность” музейных работников, в числе врагов народа, конечно, оказался и Павлович. Фотограф в лагерях НКВД. В городе он оставил слепо старуху-мать, которой было около девяноста лет»⁵².

В условиях сталинского режима человек, выпущенный из лагеря, становился гражданином второго сорта: отношение к нему было крайне настороженное и подозрительное.

И здесь хочется отметить следующее: эффективность нацистской пропаганды во многом строилась на умелом сочетании как лжи, так и правды. После того, как читатель поверил автору рассказа «Отщепенец», следующую часть материала можно было снабдить и определенной отсылкой к современности – к идущей войне. В ней, а самое главное, в страданиях людей, обвиняется исключительно Советский Союз: «Когда немцы заняли Новгород, и домик, и сад Павловича сгорели (от большевистских бомб). Это был удар, который Павлович вынести не мог: последние дни своей жизни он ютился в церковном подвале. Верующие люди из милости подавали ему миску щей, да испанские добровольцы протягивали лопот хлеба. Старик был невероятно грязен и оборван. Стаи вшей бегали по его одежде и телу. Немудрено, что Павлович схватил тиф, который и унес его в могилу». Таким образом, из этого материала можно достаточно точно определить время смерти известного русского фотохудожника: зима 1941–1942 гг.

Я не могу с полной долей уверенности сказать, кто такой «Вас. Клыков»: конкретный человек или псевдоним (например, Василия Пономарева). Но он утверждает следующее: «Фотографу удалось сберечь несколько сот негативов, на которых были запечатлены заснятые им

---

⁵¹ Новый путь (Рига). 1943. 1 ноября.

⁵² Там же.

пейзажи и редкие фрагменты фресок и икон древнего Новгорода. Когда началась война, он закопал их в яму в своем садике. Но мощная бомба разворотила землю, где были закопаны негативы, – и от них остались только осколки. Так погибло и творческое наследие Павловича»⁵³.

В процессе подготовки этого материала я обратился за иллюстрациями в Новгородский музей-заповедник. Мне сообщили, что все его фотографии и негативы, сделанные в нашем городе, безвозвратно утрачены.

Подробная статья «Ересь жидовствующих в Древней Руси» подписана инициалами «С. Е.»⁵⁴. Но небольшое введение к ней написал протоиерей Кирилл Зайц – начальник Псковской православной миссии. Территория, находившаяся в ведении этой миссии, включала в себя все районы Ленинградской области, оккупированные немцами (за исключением Ямбургского и Волосовского – они находились под церковной юрисдикцией эстонской Нарвы), а также северную часть Калининской области, на этой территории проживало в 1941 года свыше двух миллионов человек⁵⁵.

Германское командование пыталось максимально использовать русских священников для информирования оккупантов о настроениях населения. В циркуляре миссии от 4 марта 1942 года прямо указывалось: «Предписуется всем согласно распоряжений соответствующих учреждений германской власти возможно часто, не реже чем раз в месяц, доставлять в управление миссии подробный отчет о положении в ваших приходах: о настроениях населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о школьном деле, о нашей деятельности приходско-духовной, просветительской и благотворительной»⁵⁶.

На страницах русской коллаборационистской прессы священники могли выступать не только как пропагандисты «Нового порядка», но и своим авторитетом подкреплять те или иные публикации. Из вступительного слова Кирилла Зайца следовало: «Изложенное в статье «Ересь жидовствующих» соответствует историческим данным»⁵⁷. При этом подробный рассказ о событиях в Новгороде XV века делал антисемитские отсылки в век XX: «Характерны методы распространения ереси. Она распространялась в сугубой тайне. В этом сказались характерные для еврейства черты: инспирация и лицемерие. Уже тогда, более четырех веков тому назад, еврейство делало попытку тайно, изнутри ослабить и деморализовать русский народ»⁵⁸.

---

⁵³ Новый путь (Рига). 1943. 1 ноября.

⁵⁴ Более подробно об антисемитской пропаганде в коллаборационистской прессе см. статью Д. Ю. Асташкина «Антисемитская пропаганда на оккупированной территории Ленинградской области (по материалам газеты "За Родину" 1942–1943 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета № 83 (Ч. 2). 2014. С. 9–12.

⁵⁵ Государственный архив Псковской области. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁵⁶ СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 233.

⁵⁷ За Родину (Псков). 1943. 8 сентября.

⁵⁸ Там же.

Статья заканчивалась описанием расправ над сторонниками учения жидовствующих: «Так было покончено, в начале XVI столетия, с одной из опаснейших ересей на Руси. Однако следы этого губительного иудейского наследия сохранились вплоть до наших дней»⁵⁹.

В коллаборационистских газетах регулярно публиковались и неподписанные статьи. Обычно это были перепечатки из немецких газет или материалы, подготовленные немецкими пропагандистами. Во второй половине 1943 года русского населения в Новгороде практически не осталось, но материалы про город по-прежнему появлялись. Некоторые из них полностью не соответствовали действительности, как, например, заметка «Новгород. Открыт кинотеатр»: «В городе недавно открыт кинотеатр для гражданского населения и войсковых частей. Помимо демонстраций кинокартин с русским текстом, в театре дают концерты эстрадные труппы артистов из других городов. Сейчас начато переоборудование эстрады в сцену со всем полагающимся реквизитом. По окончании этой работы будет возможно устраивать драматические спектакли. Население Новгорода и окрестных деревень охотно посещает свой кинотеатр»⁶⁰.

Как уже говорилось, местного населения практически не осталось. Уже все оно было депортировано в Прибалтику. Но если верить немецким журналистам, оно по-прежнему проживало в своих родных домах и повышало свой культурный уровень: «Новгород. В деревне Самокража, расположенной на берегу Ильменского озера, недавно в торжественной обстановке, при большом стечении народа, была открыта фотовыставка “Германия”.

Местный комендант, открывая выставку, между прочим, сказал:

– Пусть эта выставка послужит дальнейшему делу укрепления дружбы и культурного взаимоотношения немцев и русских!

В кратком ответном слове волостной старшина от имени населения благодарил германское командование за организацию выставки, дающей возможность, хотя бы в кратких чертах, ознакомиться с жизнью немецкого народа.

Во второй половине дня, на многолюдном собрании у здания выставки, выступил с докладом лейтенант гвардейского соединения РОА Л. Его слова о том, что “будущее России – в руках русских людей и союзными силами германской армии и РОА большевизм будет уничтожен” – были покрыты громкими аплодисментами.

На выставке открыт газетно-книжный киоск и организована раздача плакатов, открыток, флажков и брошюр политического содержания»⁶¹.

1943 год – год коренного перелома в Великой Отечественной войне. Гитлеровцы понимали, что до крупномасштабного наступления Красной Армии на Северо-Западе России осталось совсем немного. В

---

⁵⁹ За Родину (Псков). 1943. 8 сентября.

⁶⁰ За Родину (Псков). 1943. 16 сентября.

⁶¹ За Родину (Псков). 1943. 14 сентября.

этих условиях главными героями газетных публикаций коллаборационистских газет зачастую становились сами немецкие солдаты. В статье «Спасены от разрушения кресты Новгородского Софийского собора» они представлялись как защитники русских памятников: «К ценным памятникам искусства древней Руси относятся три креста, водруженные на основанном в 1052 году Софийском соборе в Новгороде. От обстрела советской артиллерией своды древнего собора в последнее время были так сильно повреждены, что грозили обрушиться.

Чтобы спасти драгоценные кресты от разрушения, германское военное командование отдало приказ снять их с куполов. В течение трех часов команда в составе трех унтер-офицеров и восьми солдат, под руководством двух офицеров, разобрала и спустила на железных тросах тяжелые церковные кресты. Их удалось снять без повреждений и отправить в тыл на сохранение в другую церковь. Таким образом германские солдаты спасли от уничтожения древние символы русской православной религии»⁶².

В 1944 году даже свои неудачи нацисты пытались выдать за победы. Сам факт оставления ими Новгорода преподносился как специально задуманный план германского командования. Об этом писалось в статье «Удар по пустому месту. Планомерные немецкие операции»: «Берлин, 23 января. На северном участке восточного фронта тяжелые бои в полном разгаре. Советское командование, не считаясь с потерями, шлет на германские линии одну дивизию за другой, рассчитывая добиться успеха своим численным перевесом. Но за каждую пядь земли большевики платят огромную дань»⁶³.

Согласно утверждению этих пропагандистов, немецкому командованию удалось разгадать советские планы, а отступление вермахта рано или поздно должно принести Германии победу: «Советское командование, по-видимому, задалось обширной стратегической целью – охватывающим наступлением со стороны Волхова и Ораниенбаума окружить сражающиеся там германские части. Германское командование, своевременно разгадав маневр противника, эвакуировало Новгород. Этим маневром удалось произвести такое сокращение фронта, что все большевицкие планы потерпели крушение.

Вовремя оставив Новгород, свыше года служивший мишенью советской артиллерии, немцы заняли сильные, заранее заготовленные позиции. Перед советской же артиллерией осталось так называемое “мертвое пространство”, а весь массивированный советский удар пришелся по пустому месту»⁶⁴.

Гитлеровское командование рассчитывало задержать наступление советских войск на линии «Пантера», не допустив их на территорию Прибалтики. Вместе с немцами отступали и русские коллаборационисты. Теперь редакция газеты «За Родину» находилась в Риге. Большин-

---

⁶² За Родину (Псков). 1943. 25 августа.

⁶³ За Родину (Псков). 1944. 24 января.

⁶⁴ Там же.

ство материалов расписывали хорошее положение русского эвакуированного населения в Прибалтике. Несколько особняком стоит статья «Великие русские святыни»⁶⁵. В ней идет речь о церковных святынях, вывезенных из Новгорода в Прибалтику: «18/5 июля Векшинский Св. Сергиевский приход празднует свой храмовой праздник в честь святого Сергия, Радонежского Чудотворца.

В этом храме почивают эвакуированные из Новгорода великие святыни России в шести раках: святые мощи Никиты, Епископа Новгородского и всея России Чудотворца, благоверного князя Феодора, святого князя Владимира и его матери св. княгини Анны (первой монахини в России), святого князя Мстислава и рака с частью святых мощей святителя Григория Новгородского Чудотворца и преподобного Антония Римлянина.

Векши – живописное местечко, расположенное на берегу реки Виндавы (Вента). Храм каменный уютный, утопает в зелени обширного погоста»⁶⁶.

В это время русская коллаборационистская пресса в Прибалтике доживала свои последние дни. Гитлеровское командование не имело возможности и желания поддерживать ее. Новгородская тематика перестала быть востребованной. Большинство русских сотрудников выехало подальше от продвигающейся на запад линии фронта – в Германию. Некоторые из них после войны примут участие в идеологической войне против СССР в качестве пропагандистов на западных радиостанциях.

---

⁶⁵ За Родину (Рига). 1944. 4 июля.

⁶⁶ Там же.